

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР НА КАВКАЗЕ

1.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер, один из выдающихся поэтов-декабристов, был немцем только «по отцу и матери». «Природный мой язык русский,— писал он своему племяннику Н. Г. Глинке 9 июня 1835 года,— первыми наставниками в русской словесности были— моя кормилица Марина да няньки мои— Кирилловна и Татьяна».

Родившись в 1797 году в Петербурге в обрусевшей семье небогатого выходца из Саксонии, Кюхельбекер раннее своё детство проводит в Эстонии: сначала в небольшом имении отца Авинорм, а затем в частном пансионе в городе Верро. В 1811 году по протекции свойственника его матери М. Б. Баркляя де Толли Кюхельбекер был определён в царскосельский лицей.

Лицей сыграл большую роль в жизни Кюхельбекера. Здесь были заложены основы его политического мировоззрения. Через толстые стены лицея проникали передовые идеи эпохи, носителями которых были профессора: Куницын, приверженец идей политической свободы и гражданского равенства; Галич, человек гуманный и либеральный, горячо любивший литературу, и родной брат знаменитого деятеля французской революции Марата—де Будри, содействовавший развитию в среде лицеистов любви и интереса к революционным идеям. В лицее Кюхельбекер близко сходитя с Дельвигом и Пушкиным. Война 1812 года оказала благотворное влияние на политический рост лицеистов. Мимо лицея шли на фронт войска. Кюхельбекер думал о своём «дяде» Барклае де Толли, другие лицеисты думали о своих отцах и братьях. История оживала в пустынных садах лицея.

В лицее окрепла дружба Кюхельбекера с Пушкиным и Дельвигом. Все трое с увлечением занимались поэзией. Ещё будучи в лицее, Кюхельбекер твёрдо вступил на тот путь, который привёл его в ряды декабристов. Вместе с Вальховским, Пуциным и

Дельвигом Кюхельбекер посещал собрания политического кружка, во главе которого стоял член Союза Благоденствия И. Г. Бурцов.

По окончании лицея Кюхельбекер вместе с Пушкиным поступает в коллегию иностранных дел, где сближается с тёзкой Пушкина— Александром Сергеевичем Грибоедовым. Знаменательно, что в документе, датированном 15 июня 1817 года, в числе других подписей под указом Петра I о неразглашении служебных тайн находятся автографы Грибоедова, Кюхельбекера и Пушкина. Служа в коллегии иностранных дел, Кюхельбекер одновременно «находился старшим учителем российского и латинского языков в пансионе, учреждённом при педагогическом институте». В это же время Кюхельбекер активно сотрудничает в «Вольном обществе любителей российской словесности», а также исполняет должность секретаря в «Вольном обществе учреждения школ по методу взаимного обучения». В обоих обществах он общается со многими членами Коренной Думы «Союза Благоденствия».

В мае 1820 года Кюхельбекер публично читает в Обществе любителей российской словесности программное стихотворение «Поэты», которое было расценено современниками поэта как открытая и смелая манифестация в защиту только что высланного из столицы Пушкина. Последовал донос на Кюхельбекера, в котором говорилось, что он, Кюхельбекер, «изливая приватно своё неудовольствие», называл Александра I именем тирана Тиберия.

Ожидая, что его постигнет участь Пушкина, Кюхельбекер решил на время покинуть родину и отправился за границу в качестве секретаря богатого вельможи Нарышкина.

На чужбине Кюхельбекер особенно чувствовал себя русским. «Вы не можете себе представить, с каким наслаждением я здесь в немецкой стороне пишу эти русские строки,—

обращался он в декабре 1820 года к своим сёстрам.— Каждая буква напоминает мне моё отечество, напоминает мне Вас, говорит мне: они ответили бы тебе на твои ласки твоим родным, твоим любимым языком».

Несколько позже в путевом дневнике, частично опубликованном в 1824 году в альманахе «Мнемозина», лицейский друг Пушкина восторженно описывает встречу со своим бывшим учеником Н. А. Мельгуновым. «Мы разговаривали только и единственно о России и не могли наговориться о ней... сердечное убеждение, что русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудные способности, его язык, богатейший и сладостнейший между всеми европейскими, что небо предопределило россиянам быть великим благодатным явлением в нравственном мире: вот что придаёт жизнь и теплоту нашим беседам, заставляющим меня совершенно забывать, что я не в отечестве».

Весной 1821 года в Париже Кюхельбекер выступил в Академическом обществе наук и искусств с публичными лекциями по русскому языку и литературе. Обнаруженный недавно в фондах Симбирской архивной комиссии в Ульяновске П. С. Бейсовым собственноручный текст первой лекции Кюхельбекера о русском языке убедительно свидетельствует о том, что она написана с декабристских позиций. «Свободный, сильный, богатый,— говорил Кюхельбекер о русском языке,— он возник раньше, чем установилось крепостное рабство и деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма...

И никогда этот язык не терял и не потеряет память о свободе, о верховной власти народа, говорящего на нём. Донныне слово вольность действует с особой силой на каждое подлинно русское сердце».

Острая политическая направленность лекций Кюхельбекера привела к тому, что уже после первой лекции взбешённый Нарышкин прогнал от себя своего секретаря, а русское посольство приказало лектору прекратить выступления и немедленно вернуться на родину.

В Петербурге опальный поэт оказался в трудном положении. Никакой службы в столице он получить не мог. С большим трудом друзьям Кюхельбекера удалось определить его на Кавказ на службу к генералу Ермолову.

2.

Назначение Кюхельбекера на Кавказ сопровождалось, как об этом глухо пишет в своих «записках» обычно хорошо информированный старый кавказец Н. Н. Муравьев-Карсский, какими-то секретными инструкциями. «Алексей Петрович,— пишет этот мемуарист о Ермолове,— имеет тайное приказание извести Кюхельбекера». Это свидетельство Муравьева-Карсского подтверждается письмом А. И. Тургенева к Вяземскому от 21 августа 1823 года. «Его,— сообщает А. И. Тургенев о Кюхельбекере,— не велено никуда определять, как только в Грузию, и держать его там. Узнают, что ушёл — плохо будет. Поступайте осторожнее и ему о сем не говорите. Я имел уже за него неприятность по определению его к Ермолову».

В декабре 1821 года Кюхельбекер прибыл в Тифлис и был назначен на службу в гражданскую канцелярию главноначальствующего Закавказским краем генерала Ермолова.

В Ермолове Кюхельбекер прежде всего увидел своего защитника, «врага трепещущих льстецов».

Он гордо презрел клевету,
Он возвратил меня Отчизне:
Ему я все мгновенья жизни
В восторге сладком посвящу...

Так с восторгом и благодарностью писал опальный поэт о Ермолове.

В Тифлисе Кюхельбекер встретил своего старого знакомого и сослуживца по Коллегии иностранных дел Грибоедова. Грибоедов познакомил своего друга с молодым азербайджанцем Аббас Кули Ага Бакихановым. Оба они — и Грибоедов и Бакиханов—служили вместе с Кюхельбекером в гражданской канцелярии генерала Ермолова. Новое знакомство вскоре перешло в тесную дружбу.

Трёх друзей—Кюхельбекера, Грибоедова и Бакиханова—крепко сблизил совместные занятия языками, а литературой, во время которых Грибоедов совершенствовался в персидском и турецком, а его азербайджанский друг—в русском языках. Именно эти занятия отражены Бакихановым в его автобиографии. «Находясь в Тифлисе, я занялся, русским языком и посредством его познакомился с европейским просвещением». Большую помощь в деле изучения языков

оказал друзьям педагогический опыт Кюхельбекера, прослужившего до этого три года «старшим учителем русского и латинского языков в пансионе, учреждённом при педагогическом институте». Во время этих занятий Бакиханов, при содействии своих друзей, познакомился с передовой культурой великого русского народа, а также и с лучшими произведениями зарубежных писателей.

Несомненно, что Кюхельбекер рассказал друзьям о знакомстве с Гёте, который не только охотно принимал у себя в Веймаре молодого русского поэта, но и ввёл его в дом своего сына и представил невестке. Кюхельбекер поведал также Грибоедову и Бакиханову о том, что «Гёте весьма интересовался русской литературой». В рукописи «Путешествий», частично опубликованной покойным Ю. Н. Тыняновым, об одном из вечеров, проведённых в обществе Гёте, молодой путешественник вспоминал: «Музыка и пение стихов, по большей части взятых из «Дивана», всех нас так занимали, что мы в этот раз разговаривали довольно мало». Знаменитый «Западно-Восточный Диван», в котором великий поэт показал своё глубокое знакомство не только с темами и формами, но и с мудростью поэзии Ближнего Востока, был закончен незадолго до встречи Кюхельбекера с Гёте. «Диван» открыл целую эпоху в немецкой литературе. По следам Гёте пошли Рюккерт, Платен, Боденштедт и другие.

«Диван» произвёл сильное впечатление на Кюхельбекера — определил его глубокий интерес к литературе Ближнего Востока, и в особенности Азербайджана, ибо, как указывает Мариетта Шагинян, Гёте отвёл в нём сравнительно много места классику азербайджанской поэзии Низами Гянджеви. «И это отнюдь не случайно,— продолжает исследовательница творчества Гёте и Низами,—именно в Низами и через Низами в родственных Гёте сторонах его мышления и характера, в дидактическом уклоне его поэзии, в глубокой мудрости многих стихов из «Сокровищницы тайн», ставших известными Гёте,— и нашёл великий немецкий поэт свою «западно-восточную» «формулу перехода.» Иначе сказать, дух Низами веет над всей книгой Гёте и почти во всём её определяет».

Также не может быть, чтобы Кюхельбекер не показал своим друзьям подарка

веймарского гения—книгу Гёте с его собственноручной дарственной надписью.

Не мог умолчать Кюхельбекер и о Пьемонтской революции, о возмущении итальянского народа «ненавистными тудесками», как называли итальянцы своих австрийских угнетателей. Далеко не случайно автограф стихотворения «Ницца», посвящённого этой революции, находится в одной тетради с стихотворением «Грибоедову», помеченным «Тифлис, 1821 г.».

Не вызывает никаких сомнений предположение, что Кюхельбекер делился со своими друзьями—Грибоедовым и Бакихановым—впечатлениями о кипучей своей деятельности в Париже, куда он попал из тихого Веймара, покинув олимпийца Гёте. Вечера у знаменитого ориенталиста Ланглеса, избранного в 1818 году почётным членом Российской академии наук, основателя школы восточных языков в Париже и владельца богатейшей библиотеки, встречи с драматургом Жуи и крупнейшим французским писателем Бенжаменом Констаном стали достоянием тифлисских друзей Кюхельбекера. Он рассказал им о шумном успехе так печально кончившихся для него лекций в Атенее, как называлось в Париже Академическое общество наук и искусств, в которых он знакомил парижан с богатствами русского языка и с творчеством Державина, Дмитриева, Батюшкова и Пушкина.

Но и друзья Кюхельбекера не оставались в долгу перед своим так много видевшим приятелем. Так, Бакиханов в свою очередь познакомил Грибоедова и Кюхельбекера со славным прошлым героического азербайджанского народа, с его замечательными искусством и поэзией. О серьёзности и глубине востоковедческих занятий трёх друзей свидетельствует сохранившийся в бумагах Кюхельбекера и впервые опубликованный в 1939 году Ю. Н. Тыняновым черновой автограф незаконченной поэмы «Уже выиграл Зефир прохладный», которая, по авторитетному мнению покойного исследователя, не только «характерна для длительного изучения Кюхельбекером Востока», но и выясняет обстоятельства изучения Грибоедовым восточных литератур. «Громадная работа над восточной поэзией и её стилем чувствуется в этом замечательном отрывке» — вполне обоснованно заявлял Ю. Н. Тынянов. Главным героем поэмы

Кюхельбекера является Грибоедов. Рассказ о нём ведётся от имени бедного Аббаса, который

...раскрыл его глазам
Премудрость сладостных уроков
Восточных старцев и пророков
И приковал его к стихам,
Льющим тысячи потоков
И жизнь и счастье векам.

Нет и не может быть никакого сомнения в том, что один из персонажей этой поэмы— Аббас, познакомивший Грибоедова с классиками восточных литератур, и Аббас Кули Ага Бакиханов, друг и товарищ Кюхельбекера и Грибоедова по совместным научным занятиям, одно и то же лицо. К сожалению, поэма прервана на рассказе Грибоедова, содержание которого осталось неизвестным. Однако, наличие в сохранившемся отрывке ряда исторических и литературных имён (Дария, Хозроя, Шапура, Зюлейки, Мириям, Ширин и др.) и географических названий (Шираз, Кашаур и т. д.) позволяют нам сделать вполне обоснованные выводы о широте и глубине тех вопросов, которые затрагивали Бакиханов и его друзья в своих учёных беседах.

Не об этих ли учёных занятиях вспоминал после отъезда Кюхельбекера из Тифлиса Грибоедов, жалуясь в январе 1823 года в письме к другу на своё одиночество: «Куда девалось то, что мне душу наполняло какой-то спокойной ясностью, когда, напитанный древними сказаниями, я терялся в развалинах Бард, Шамхора и в памятниках арабов в Шемахе?» Ясно, что эти места для Кюхельбекера не были простыми географическими названиями.

Не менее плодотворным для Кюхельбекера было творческое общение его с Грибоедовым. «Грибоедов,— вспоминал впоследствии сам Кюхельбекер,—писал «Горе от ума» почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано». Грибоедов подсказал своему другу замысел одного из самых значительных произведений—поэмы «Давид». Эта поэма была закончена Кюхельбекером только в конце 1829 года в Динабургской крепости, то есть тогда, когда Грибоедова уже не было в живых. К сожалению, эта поэма до сих пор не опубликована целиком. «Монументальная

поэма (около 8 000 строк) Кюхельбекера, — сообщает об этом произведении Ю. Н. Тынянов,—отразила сюжетные моменты, близкие автору по окраске (изгнание, смерть друга, плач Давида над Ионафаном, отражающий получение известия о смерти Грибоедова); поэма наполовину состоит из прямых лирических отступлений, естественно и составляющих главную её основу. Поэма написана терцинами, разнообразными строфами (вплоть до сонета). Отступления — лирика заключённого; прямые обращения к друзьям—Пушкину, Грибоедову—касаются главной лирической и жизненной темы Кюхельбекера, культивировавшего лирику дружбы».

В Тифлисе Грибоедов ввёл Кюхельбекера в дом вдовы генерала Ф. И. Ахвердова — Прасковьи Николаевны, находившейся в родстве с культурными грузинскими семьями Чавчавадзе, Орбелиани и Чолокашвили. По словам дочери Ахвердовой — Д. Ф. Харламовой, Кюхельбекер особенно часто бывал в Тифлисе в доме её матери. Следовательно, в этом доме Кюхельбекер мог встречаться и встречался с лучшими представителями грузинской интеллигенции того времени.

Пребывание Кюхельбекера на Кавказе было непродолжительным. После дуэли с чиновником Похвисневым и невыясненного конфликта с Ермоловым он вынужден был подать в отставку. Как сообщал 29 апреля 1822 года в сенат Ермолов, Кюхельбекер, «не прослужив положенного годового термина (то есть срока), уволен от продолжения здесь службы по болезненным припадкам». В начале мая того же года Кюхельбекер распростился со своими друзьями и уехал в Россию.

3.

Двенадцать лет спустя, 3 мая 1834 года в письме, написанном в мрачном каземате Свеаборгской крепости, Кюхельбекер горько жаловался своему любимому племяннику Н. Г. Глинке, служившему в войсках Отдельного Кавказского корпуса: «Я полгода и то при главной квартире прожил в Тифлисе; этого очень мало, чтобы ознакомиться с тамошними сказаниями и обычаями».

Но пребывание на Кавказе не прошло бесследно для Кюхельбекера. В 1824 году, выступая на страницах альманаха «Мнемозина» против подражательности произведений многих современных ему

русских поэтов со статьёй «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие», Кюхельбекер заявлял о необходимости изучения поэзии народов Востока. «При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей,— писал он в этой статье, — Россия по самому своему географическому расположению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Свади, Джамии ждут русских читателей».

«Но не довольно,— утверждал Кюхельбекер дальше, — присвоить себе все сокровища иноплеменников: да создаётся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первой державою во вселенной! Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные— лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности. Станем надеяться, что, наконец, наши писатели, из коих некоторые молодые одарены прямым талантом, сбросят с себя тесные цепи немецкие и захотят быть русскими. Здесь особенно имею в виду А. Пушкина, которого три поэмы, особенно первая, подают великие надежды».

Ратуя за освоение «сокровищ ума Европы и Азии», Кюхельбекер, по возвращении в Россию, не только пытался запечатлеть востоковедческие занятия своих друзей — Бакиханова и Грибоедова — в своей незаконченной поэме о Грибоедове, как об этом писали мы выше, но и сам настойчиво продолжает изучение восточных литератур, на этот раз при помощи «Западно-Восточного Дивана» Гёте. В институте русской литературы Академии Наук СССР в Ленинграде хранится тетрадь Кюхельбекера, в которой имеется краткий конспект, содержащий имена, хронологические даты, заметки для памяти, извлечённые из исторического аппарата к стихотворениям «Дивана» Гёте: «Заметки и статьи для лучшего понимания «Западно-Восточного Дивана». В конспекте упоминается и великий азербайджанский поэт Низами, родившийся в Гяндже, а также «поэмы Низами «Лейли и Меджнун» и «Хосров и Ширин». О Низами и его творчестве Бакиханов, невидимому, не раз говорил своим русским друзьям, ибо имена героев его поэмы «Хосров и Ширин» упоминаются в рассказе Аббаса в

незаконченной поэме Кюхельбекера о Грибоедове. Этот конспект Кюхельбекера был опубликован В. М. Жирмунским в 1932 году в «Литературном наследстве». Составление этого конспекта В. М. Жирмунский вполне обоснованно относит к 1825 году.

4.

В конце ноября 1825 года Кюхельбекер был принят в ряды Северного тайного общества.

Накануне восстания на Сенатской площади вечером, 13 декабря Кюхельбекер присутствовал на совещании в квартире Рылеева, где автор «Войнаровского» и «Наливайки» познакомил собравшихся с планом восстания и благословил их на подвиг. По данным следствия, Кюхельбекер в событиях на Сенатской площади принял «живейшее участие... был в числе мятежников с пистолетом, целился в великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова... хотел построить гвардейский экипаж и пойти на штыки...» Когда к вечеру 14 декабря Николай I рассеял повстанцев картечным огнём, Кюхельбекер, спасаясь от ареста, вместе с верным ему «крепостным человеком Семёном Балашовым» скрылся из Петербурга, переодевшись в нагольный тулуп.

Как показывает обнаруженное в Ставропольском краевом государственном архиве дело с предписанием начальнику Кавказской области принять все меры к поимке Кюхельбекера, который 14 декабря 1825 года «при наступлении ночи скрылся», Николай I предполагал, что Кюхельбекер бежал на Кавказ. В предписании строго настроено предлагалось «принять все меры к отысканию сего Кюхельбекера... и «когда будет отыскан, доставить его сюда (то есть в Петербург) под строгим караулом скованного». Подозревая существование на Кавказе тайных обществ, Николай I предписывал начальнику Кавказской области «обнаружить всех членов тайных обществ, узнать под каким (именем) они существовали, какие меры предпринимались для достижения цели». Помимо этого, предлагалось «взять подписку со всех чиновников, дворян о непринятии участия в сих тайных обществах».

19 января 1826 года Кюхельбекер был задержан в Варшаве.

Верховный уголовный суд отнёс коллежского асессора Кюхельбекера к государственному преступнику первого разряда и присудил «к смертной казни

отсечением головы». Указом Николая I смертная казнь Кюхельбекеру была заменена лишением чинов и дворянства, ссылкой на каторжную работу на двадцать лет и потом на поселение.

Однако, на каторгу в сибирские рудники Кюхельбекер не попал. Почти десять лет протомился он в одиночном заключении в мрачных казематах Шлиссельбургской, Динабургской, Ревельской и Свеаборгской крепостей. «В глуши, во мраке заточенья» он не раз вспоминал Кавказ и своих кавказских друзей.

В 1828 году из Динабургской крепости Кюхельбекер тайно, со своим союзником, бывшим гусарским штабс-ротмистром, С. С. Оболенским, отправленным по суду в Грузию для определения в Нижегородский драгунский полк рядовым, посылает письмо Грибоедову в Тифлис.

— Я долго колебался, писать ли тебе, — сообщал динабургский узник своему другу. — Но, может быть, в жизни мне не представится уже другой случай уведомить тебя, что я ещё не умер, что люблю тебя попрежнему: и не ты ли был лучшим моим другом. Хочу верить в человечество, не сомневаюсь, что ты — ты, тот же, что моё письмо будет тебе приятно: ответа не требую — к чему?..»

К сожалению, это письмо не попало к адресату: по оплошности Оболенского оно было перехвачено жандармами.

В дневниках Кюхельбекера, которые он начал вести в Свеаборгской крепости, часто встречаются записи, посвящённые его кавказским друзьям. «Получил письмо от матушки, — записывает он 30 января 1830 года. — Бесценно для меня то, что она тотчас посетила друга моего — Прасковью Николаевну Ахвердову, как только узнала, что Ахвердова в Петербурге; могу вообразить их разговор! Не раз они тут поминали и моего Грибоедова, в этом нет сомнения. Десять лет прошло с тех пор, как я с ним жил в Тифлисе — сколько перемен!» Чтение описания путешествия Вальяна напомнило несчастному узнику судьбу Грибоедова: «И он в Москве и в Петербурге часто тосковал о кочевьях и горах Кавказских... где среди людей, более близких к природе, он чувствовал себя счастливым».

В Восточной Сибири, куда Кюхельбекер после «крепости был обращен на вечное

поселение», он попрежнему вспоминал часто о Грибоедове и о Кавказе. В романе «Последний Колонне», который был закончен писателем-декабристом в 1843 году, герой романа Юрий Пронский заявляет: «В Грузии небо ничуть не хуже итальянского, а гранатовые рощи, сто вёрст южнее Тифлиса, стоят здешних (то есть итальянских) лимоновых и померанцевых».

В дневнике Кюхельбекера имя Бакиханова не названо ни разу, и это не случайно: о Грибоедове сибирский изгнанник мог писать спокойно; в 1831 году, когда узник-декабрист начал вести дневник, автора «Горе от ума» не было в живых. Бакиханову же, если бы его имя было обнаружено бдительным николаевским начальством в дневнике декабриста, грозили бы самые тяжёлые последствия. Кюхельбекеру поневоле приходилось быть очень осторожным...

5.

Для Бакиханова знакомство и дружба с Кюхельбекером и Грибоедовым имели большое значение. Лицейский друг Пушкина укрепил интерес Бакиханова к передовой культуре великого русского народа. Совместные учёные занятия с Кюхельбекером и Грибоедовым привели и Бакиханова к выводу, что «если в научном мире приобретёшь нужное знание и после себя оставишь для будущего поколения следы своих знаний, тогда имеешь право считать себя счастливым человеком и по смерти можешь на земле продлить своё существование». Воодушевлённый именно этим убеждением, Бакиханов под влиянием своих передовых русских друзей считал себя обязанным служить науке.

Несомненно, что Кюхельбекер, а вслед за ним и Грибоедов, способствовали развитию у Бакиханова интереса к истории, к героическому прошлому народов Кавказа. Сам Кюхельбекер, как и все поэты-декабристы, не раз обращался к истории, черпая там темы любви к родине, жажду героических подвигов и готовность пожертвовать жизнью в борьбе за благо народа.

«Вера праотцов, нравы, отечественные летописи, песни, сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности», — утверждал русский друг Бакиханова вскоре после возвращения с Кавказа, накануне рокового в его судьбе дня — 14 декабря 1825 года. «Дух времени и образование каждого народа отражаются

всегда в литературе и других памятниках», — заявлял впоследствии в своём замечательном труде «Гюлистан-Ирам» Бакиханов. Не случайно азербайджанский друг Кюхельбекера использовал в качестве источников своего капитального труда по истории Азербайджана и Дагестана не только сочинения античных и восточных авторов, но и работы «древних русских историков», то есть летописцев, а также исторические сочинения Ломоносова и Татищева, в особенности «Историю государства Российского» Карамзина, фактическим материалом которой, как известно, декабристы пользовались в агитационных целях. В своей «истории» Карамзин уделял большое внимание русско-кавказским взаимоотношениям, что имело существенное значение для Бакиханова в его работе над «Гюлистан-Ирамом». Во вступлении к своему труду Бакиханов указывал, что он старался придерживаться главной задачи историка — изложить факты по порядку, помня, что человеческий род представляет собой единую семью, для которой земной шар является общей родиной.

Точно так же Кюхельбекер первый пробудил у своего азербайджанского друга интерес к вопросам воспитания. Лицейский друг Пушкина, как мы указывали выше, три года после окончания лицея прослужил старшим учителем русского и латинского языков в пансионе при педагогическом институте. Декабристы и близкие к декабристам круги русского общества придавали большое значение вопросам воспитания. Об этом убедительно говорят опубликованные в находящемся под влиянием декабристской идеологии журнале «Невский зритель» в 1820 — 1821 гг. статьи: «Взгляд на историю воспитания» Рашкова, «О сохранении здоровья детей», «О гимнастике», «О нравственном воспитании» и др. Активным сотрудником «Невского зрителя» был Кюхельбекер. Общеизвестно, что вопросы нравственного воспитания занимали центральное место в педагогических взглядах декабристов. Вполне понятно, что первый толчок к созданию такого труда, как «Техзибуль-Ахлак» (Улучшение нравов), посвященного преимущественно вопросам нравственного воспитания, Бакиханову дал Кюхельбекер. В этом произведении изложены основы этических взглядов Бакиханова.

«Если ты бездельник, — писал Бакиханов, — знай — глина и камень лучше тебя: они годятся для постройки».

Наука и ученье выше всего па свете, дорожи ими, ибо всё доступно, благодаря им...

От хорошего дела ты дважды получаешь удовольствие: одно при выполнении его и второе, когда увидишь плоды своего труда».

Под влиянием Кюхельбекера Бакиханов в педагогических целях переводит на азербайджанский язык басню П. А. Крылова «Осёл и соловей».

Кюхельбекер, наряду с Грибоедовым, оказал первое благотворное влияние на Бакиханова как представитель передовой прогрессивной культуры и разжёг в своём азербайджанском друге ту неистребимую жажду знаний; которая привела потом автора «Гюлистан-Ирама» к знакомству и дружбе с А. А. Бестужевым-Марлинским и А. С. Пушкиным.